

A young man with dark hair, wearing a dark, buttoned shirt, is shown from the chest up. He is holding a glowing, orange-yellow orb in his hands, from which wisps of white smoke are rising. The background is dark and filled with shelves of numerous glass bottles, suggesting a laboratory or apothecary. The lighting is dramatic, with the primary light source being the orb itself, casting a warm glow on the man's face and hands. The overall atmosphere is mysterious and magical.

Зимин Сергей

Наследие шарлатана

18+

Зимин Сергей

Наследие шарлатана

«Автор»

2026

Сергей З.

Наследие шарлатана / З. Сергей — «Автор», 2026

Он был восходящей звездой отечественной биохимии, но кому-то это не понравилось. Теперь он - ученик целителя в грязной и вонючей лавке.

© Сергей З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Зимин Сергей

Наследие шарлатана

Глава 1

Сознание возвращалось медленно, обрывками, продираясь сквозь липкую пелену боли, пульсирующую ровным, неумолимым ритмом. Каждая такая пульсация вызывала рой багровых искр и новый приступ боли. Не было ни мыслей, ни воспоминаний. Только ощущения. Только ритм боли и багровых искр.

Холод. Появилось новое ощущение. То место, что было вокруг ритма боли и искр было сырым и холодным. Холод запускал свои тонкие пальцы внутрь этой вселенной, полной пульсации боли и трогал, касался, оглаживал, проникал в самые глубокие недра.

Касание. Нет, не касание, уколы. Что-то твёрдое и острое колет этот комок боли. Снаружи. Как и холод с сыростью. Получается, есть то, что снаружи, и то, что внутри. Внутри пульсирующая боль, снаружи холод сырость и уколы, появилась первая мысль.

Рассуждение. Сравнение. Пульсация боли подобна рокоту большого барабана. Он когда-то ходил на концерт больших японских барабанов. Звуки и вибрации пробирали до самых печёнок. Звуки, там были звуки. А тут – тишина. Тишина, боль, холод и сырость. Промозглость. Вот правильное понятие. Когда холодно и сыро, то это называется «промогло».

Запах. Запах появился внезапно. Не запах, вонь. Смерд. Прелая солома, пот, металлический запах крови, сладковато-тошнотворный гной, уксус, горелое мясо, дым, пыль, сено. Вся эта какофония ввинчивалась в маленькую вселенную пульсирующей боли и оседала в ней противным маслянистым налётом, который дела боль ещё более невыносимой.

«Итак, тут есть то, что внутри и то, что снаружи», — появилась новая мысль. — «То, что внутри болит, а то, что снаружи промозглое и вонючее».

Положение. Появилось ощущение верха и низа. Вселенная, полная пульсирующей боли и багровых искр, перестала быть бесконечной, обрела границы и формы. То, что колет и пахнет прелой соломой, оно снизу. А промозглое, оно, оказывается, по бокам и сверху.

Звук. Внешний мир, расположенный за границами пульсирующей боли, наполнился звуками. Откуда-то издали доносились пение, стук и взрывы хохота. Где-то что-то грохотало и звякало. А тут, совсем рядом, доносились голоса. Мужской голос, хриплый, не слишком-то трезвый, пропитанный самодовольством и скукой вещал:

— а коли гной идёт жёлтый, да с духом, — прикладывая раскалённое железо, слышишь, мальчишка? Железо докрасна кали, и прижигай, покуда не почернеет! Никаких этих шарлатанских припарок! Каленое железо да искренняя молитва Эскулапу, заступнику нашему — вот единственные лекари, коим ведом путь истинный! Внял ли, бестолочь?

— Внял, мастер Годфри! — отозвался мальчишеский голос, в котором звучал искренний страх. — Всё запомнил, что Вы сказать изволили

— Да что ты мог запомнить, дурачина! — возмутился мастер Годфри, судя по звуку, сопровождая свои слова полновесным подзатыльником.

«Что вообще происходит?» — возникла недоумённая мысль. — «Где я? Кто я?»

Новая волна воспоминаний обрушилась на маленькую вселенную. Большие люди, шарики, цветы, сонные и какие-то взволнованные дети. Школа. Уроки. Оценки. Олимпиады. Победы. Гордость школы. Золотая медаль. Университет. Студенческое научное общество. Бакалавр. Красный диплом. Магистратура. Ещё один красный диплом. Аспирант. Кандидат наук. Надежда отечественной биохимии. Белые стены. Микроскопы. Пробирки. Сепараторы.

Шкафы. Столы. Лаборатория. Успехи. Новые лекарства. Новый антибиотик уже почти готов. Белая вспышка. Крики лаборантки. Обугливающаяся плоть, сползающая с костей. Темнота.

«Я — Алексей Ковалёв. Я погиб при взрыве в лаборатории»

Вторая волна воспоминаний захлестнула его. Длинная, ухабистая дорога в телеге, холодный дождь, стекающий за воротник заношенной рубахи. Уставшая женщина с потухшим, опустошенным взглядом — мать? тётка? — которая сунула ему в руки узелок с парой яблок и черствой краюхой хлеба и сказала, не глядя в глаза,

— Слушайся мастера, Алекс. Не перечь. Работай. Выживай.

Холодная, промозглая, пропахшая теми же запахами мастерская. Грубые толчки, подзатыльники, щипки. Постоянные унижения. Вечный, ноющий, как зубная боль, голод. И самый яркий, пронзительный, выжженный в памяти образ: мастер Годфри, его длинное, жёлчное лицо, искажённое немой злобой, заносит над ним тот самый деревянный молоток для обезболивания при операциях — массивную колотушку, которой он бил болящего по голове, дабы сознание того покинуло и болящий не мешал ему своими воплями копаться в ранах. И всепоглощающий страх, бессильный, детский ужас, от которого сводило живот и перехватывало дыхание. Последнее, что помнил Алекс, — это короткий свист дерева в воздухе, ослепительную вспышку боли в затылке, смешавшуюся со звоном разбивающейся стеклянной посуды, которую он нес, и наступающую тьму.

«Я Алекс. Ученик целителя. Я погиб от удара деревянным молотком».

Он лежал, парализованный этим двойным потоком воспоминаний, двумя жизнями, столкнувшимися в дикой схватке внутри одного, слишком хрупкого и молодого тела. Учёный и слуга. Будущее, устремлённое вперёд, и тёмное, беспросветное прошлое. Он пытался ухватиться за знакомые, чистые образы: белые стены современной лаборатории, стройные ряды колб и пробирок, тихий, успокаивающий гул центрифуг, уважительные взгляды коллег, запах стерильности и этилового спирта. Но они таяли, как дым, вытесняемые скрипом половиц, кашлем мастера Годфри, уханьем совы где-то на улице и всепроникающим, тошнотворным смрадом, который был теперь его миром.

Он заставил себя раскрыть глаза. Глаза не хотели раскрываться. Ресницы слиплись то ли от крови, то ли от гноя. Пришлось помогать руками. Оказалось, что он лежал на лавке у стены. На лавку был брошен тощенький тюфячок, от которого как раз и пахло прелой соломой и потом. Его тело было накрыто тонким засаленным шерстяным одеялом, которое было грязным настолько, что совершенно не грело, а просто придавливало сверху.

— Твою ж мать— Просипел он пересохшим горлом. — Попаданец, растудыть ты налево. Здравствуй, грузовик—сан.

Он огляделся, пытаясь понять, где-же он находится. Память Алекса услужливо подсказала — это чулан, где Годфри хранит запасы снадобий и ингредиенты. А, заодно, это его, Алекса, спальня.

Вход закрывала занавеска. Когда-то бывшей цветной, а теперь ставшая грязно-бурой. Сводчатый низкий потолок был чёрным от копоти и густо затянут паутиной, в которой висели высохшие мухи. Свет жёг его воспалённые, чувствительные глаза — его давала одна-единственная сальная свеча, закреплённая на грубо сколоченном столе, заваленном странными, пугающими инструментами. Он медленно, преодолевая головокружение, перевёл взгляд по комнате. В полумгле, за пределами маленького круга света, он различал жутковатый инструментарий своего нового хозяина: тускло поблёскивающие металлом длинные ланцеты с пятнами ржавчины и засохшей крови, пиявки в мутной, зацветшей банке, медные чаши и тазы для крови с тёмным налётом на дне, глиняные горшки с засохшими внутри следами неведомых, подозрительных снадобий. Это была не лаборатория. Это была камера пыток, причём садистски беспорядочная и грязная. На полках, заставленных склянками с мутными жидкостями и осадками, темнели засушенные летучие мыши, лапки лягушек и пучки растений сомни-

тельной свежести. Воздух в крошечной комнатке был густым, спёртым и тяжёлым, им было трудно дышать, и каждый вдох приносил новый, отвратительный букет ароматов, въедающихся в одежду, в волосы, в саму кожу.

Память Алекса испытывала перед всей этой коллекцией благоговейный трепет от мудрости целителя. Память Алексея бунтовала и требовала немедленно вылить всё это в канализацию. А помещение засыпать хлоркой. Желательно, под потолок.

Алексей медленно, со стоном, вырвавшимся помимо его воли, приподнялся на локте. Голова закружилась, и его на секунду охватила тошнота, горький привкус подкатил к горлу. Он сглотнул, зажмурился, и, когда мир перестал плыть, посмотрел на свои руки, вцепившиеся в край тюфяка. Худые, с тонкими, не по годам жилистыми пальцами, в царапинах, синяках и заусенцах. Чужие руки с грязью под ногтями. Он сжал ладонь в кулак, наблюдая, как напрягаются незнакомые, слишком тонкие сухожилия, как кожа натягивается на костяшках. Это было чудовищно, нереально. Как самый страшный кошмар, из которого не можешь проснуться, как ни бейся и сколько себя ни щипай.

Он провёл дрожащими пальцами по своему лицу, ощущая под кожей выступающие скулы, незнакомый, более короткий и прямой, чем его собственный, контур носа, тонкие, потрескавшиеся губы. Лицо подростка. Чужое лицо. Его новое лицо. Его новое чужое лицо.

— О, проснулся наш соня! — раздался прямо над ним язвительный, простуженный голос. Из-за занавески, шаркая деревянными башмаками по грязному полу, вышел мужчина.

Высокий, сутулый, в кожаном фартуке, запачканном бурыми, ржавыми и зеленоватыми пятнами, чье происхождение Алексей боялся даже предполагать. Его лицо, с крючковатым носом и маленькими, близко посаженными, подслеповатыми глазками-бусинками, было искажено привычной, брезгливой усмешкой. Это и был мастер Годфри. И Алекса-слуги этот человек ассоциировался со страхом, болью и унижением. Его длинные, костлявые, нечистые пальцы, всегда готовые сжать в кулак или больно ущипнуть за плечо, сейчас постукивали по бедру в нетерпении.

Для Алексея же он был живым воплощением всего того невежества, жестокости и грязи, которые, судя по окружающей обстановке, царили в этом мире.

— О, очухался наконец-то, дармоед! — проскрипел он, вытирая сальные руки о фартук. — Я уж думал, придется мортусов звать. А у меня лишних монет нет, чтобы каждого недомка хоронить. Ан, ошибся. Земля, видать, не принимает тебя. Похоже, ты нахрен не сдался Плутону. А ну, поднимайся, ленивая скотина! Хватит валяться! Зря, что ли, я тебя кормлю? Бери ведро! Иди пол мой в зале! Не Генриху же эту работу поручать? За его обучение мне хотя бы платят!

Алексей попытался что-то сказать, найти слова, протест, объяснение, но из его пересохшего горла вырвался лишь хрип, беззвучный шепот. Он кашлянул, и каждый спазм отдавался свежей, острой болью в затылке, где зрела здоровенная шишка. Голос не слушался, слова путались и рассыпались, не долетая до сознания.

Собственно, это его и спасло. Потому что, первым желанием Алексея было сказать что-то типа «Кто Вы? Что Вам от меня надо? Я Вас не знаю, оставьте меня в покое!» Что, скорее всего, привело бы его к крайне нежелательным событиям. Однако, его тело, Тело Алекса, прекрасно помнило, как надо, а главное, как не надо общаться с мастером Годфри и напроочь отказалось воспроизводить подобные звуки. Тело помнило, хочешь выжить - молчи и не выделяйся, опусти глаза, подчиняйся. Иначе будет только хуже. Могут убить, в этот раз насовсем, и прикопать в мусорной куче на заднем дворе. Даже костей не останется. Никто и не спросит, куда подевался ученик целителя Алекс. Сбежал, вот и весь сказ. Искать уж точно никто не будет.

— Чего вылупился? — Годфри шагнул ближе, и Алексея накрыло волной его личного амбре — пот, чеснок и перегар. — Или мозги последние отшибло? Забыл, что вчера старик

Бартоломыю приходил? Старый, а кровь — как у быка, густая, тёмная. Две миски спустил, глядишь, от червей в голове поможет.

Алексей непонимающе уставился на целителя.

— Почти поправился, сердечный, уж на ноги встал, из дверей, слышь ты, сам вышел! — с гордостью добавил Годфри. — Шатался, правда, но это от того, что бесы выходили.

«Две миски крови? У старика?»

Парень застыл, чувствуя, как холодок ужаса ползет по позвоночнику. Разум учёного мгновенно произвел расчет. Две полные миски — это около литра. Литр венозной крови. У пожилого человека, вероятно, страдающего гипертонией и атеросклерозом.

Это не лечение. Это гиповолемический шок.

Старик Бартоломыю «вышел сам» на адреналине и гипоксии мозга. Скорее всего, он потерял сознание за углом и умер в канаве, или умрет сегодня ночью от острой сердечной недостаточности.

— На тебе лица нет, — проворчал Годфри, сверля его взглядом. — Бледный, как поганка. И глаза у тебя какие-то странные. Смотришь, как одержимый, не иначе бесы в тебя вселились, когда сознание терял. Надо будет окурить тебя можжевельником потом. А может, и клизму из отвара полыни с чесноком сделать, да погорячее, чтобы нечисть из нутра выгнать.

«Клизма из полыни с чесноком? Это же химический ожог слизистой кишечника!»

Алексей понял, что его взгляд, взгляд взрослого, образованного человека, анализирующего и оценивающего ситуацию, выдаёт его с головой. В глазах слуги Алекса не может быть ни этой пристальности, ни ужаса первопроходца, заброшенного в глубину тёмных веков. В его глазах должны быть только покорность, тупой страх и желание угодить. Он потупился, стараясь изобразить именно это, сгорбился, вжал голову в плечи, сделал свой взгляд пустым и потухшим — так, как делал это всегда Алекс, когда чувствовал опасность.

— Простите, мастер, — добавив в голос побольше подобострастия, прохрипел Алексей. — Голова кружится. Руки у вас больно уж сильные. Вы, поди, и кузнеца сильнее будете! Знато Вы меня, дурака криворукого, приласкали.

— Голова! — фыркнул Годфри, но в его свиных глазках мелькнуло что-то вроде мрачного удовлетворения, удовольствия от проявленной власти. — У тебя, щенка, и головы-то настоящей ещё нет. Одни сопли да ветер промежду ушей. Ты думать должен не своей башкой, а моими указаниями! Понял? — Понял, мастер!

— Ну, раз понял — бери ведро. Иди и мой. И чтоб чисто было! А то, гляжу, ты совсем разленился. Это от дурной крови. Надо тебе её выпустить, враз работать шустрее будешь!

При упоминании о «выпуске крови» Алексея прошиб холодный пот. Взгляд сам собой метнулся к столу, где среди крошек хлеба и мушиных трупов валялся ланцет. Грязный. С пятнами ржавчины и засохшей бурой корки. На лезвии, если присмотреться, можно было увидеть микроскопические зазубрины.

«Этим? Вскрыть вену? В этом хлеву?»

Это был не просто риск. Это был смертный приговор. Сепсис. Газовая гангрена. Столбняк.

Он понял, что, если этот мясник к нему прикоснется своим ножом — он труп. Второй раз за неделю. И на этот раз умирать придется долго и мучительно, гния заживо.

— Слушаюсь, мастер, — торопливо кивнул Алексей, не поднимая глаз, отрабатывая свою роль до конца. Он увидел в углу знакомое деревянное ведро с мутной, давно не менявшейся водой, в которой плавало несколько мёртвых мух и комочков грязи, и вонючую, слипшуюся в комок, жёсткую тряпку. Чужая память тут же услужливо подсказала, что это его ежедневная, малоприятная, но жизненно важная обязанность. Он взял ведро, с трудом удерживая равновесие, чувствуя, как дрожат его ослабевшие руки, и вышел из-за занавески в основное помещение лавки.

Лавка оказалась небольшой, слабо освещенной комнатой с грубым, заляпанным прилавком. На открытых полках за ним стояли ряды склянок и пузырьков с мутными жидкостями и осадками, висели связки сушёных, пыльных трав, лежали несколько потрёпанных свитков пергамента, испещренных кривыми значками. Воздух здесь был ещё гуще, ещё насыщеннее и тяжелее теми же запахами — гнили, дешевых трав и старой, запекшейся крови. На полу, возле массивного деревянного кресла с ремнями для фиксации и медным поддоном внизу, зияли тёмные, липкие, почти чёрные пятна. Рядом валялась окровавленная, брошенная на произвол судьбы тряпка, и Алексей с отвращением увидел, как по этому грязному щелястому полу деловито ползет упитанный рыжий таракан. В углу стояла деревянная кадушка. Алексей походя заглянул в неё. В кадушке обитали, поджидая очередного пациента, жирные пиявки.

«Герудотерапия», — кивнул своим мыслям Алексей. — «Вот, только, вряд ли её тут используют по назначению. Скорее всего, это облегчённый вариант кровопускания».

Он опустился на колени, ощутив холод и сырость подгнившего пола даже сквозь тонкую ткань штанов. Сгрёб в ладони холодную, вонючую, отсыревшую тряпку и начал водить ею по липким от крови и грязи половицам. Каждое движение, каждый взмах отзывался тупой болью в висках и затылке. А в груди ещё сильнее головной боли грызла обида на эту мировых размеров несправедливость. Он, лауреат престижных научных премий, автор десятков статей, публиковавшихся в журналах мирового уровня, человек, чьи исследования в области синтеза новых антибиотиков могли в будущем спасти десятки тысяч жизней, теперь ползал на коленях в грязи, в помещении, больше похожем на бойню, смывая последствия варварского, бессмысленного ритуала, который в этом мире с гордостью называли «лечением».

Горькая, едкая обида и отчаяние подступили к горлу. Хотелось бросить тряпку, забиться в угол и завять от бессилия. Но он понимал: это конец. Слабость — это смерть. Годфри, просто-напросто, забьет его насмерть и даже не заметит, спишет на «бесов» или «дурную кровь». И не будет звать этих таинственных мортусов, а прикопает по-тихому в той мусорной куче, которая сохранилась в памяти Алекса. И денег тратить не надо на похороны.

«Выживай», — сказала та женщина в воспоминаниях. «Я выживу», — мысленно ответил ей Алексей, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — «Я ученый. Я знаю законы природы. А этот мир, при всей своей дикости, всё равно подчиняется физике, химии и биологии. Они эти законы не знают, а я знаю. И в этом моё преимущество».

Отчаяние начало отступать, уступая место холодной, злой решимости. Годфри — не врач. Он шарлатан. Он опасный фактор среды. Как вирус. И с ним нужно бороться соответствующими методами. Но, физически это тело слишком слабо, чтобы противостоять угрозе напрямую. Придётся хитрить. Придётся тянуть время.

Он, пока что, был в ловушке. В теле бесправного даже не подмастерья, а жалкого слуги, в мире, который, судя по всему, застрял где-то на уровне самых мрачных лет европейского Средневековья, с его антисанитарией, жестокостью, верой в демонов и мракобесием. Мире, где лучшим, проверенным лекарством от гноящейся, инфицированной раны было раскалённое докрасна железо, а лучшим средством от головной боли — топор.

Мысль об этом, о всей этой медицинской дикости, заставила его содрогнуться уже не только от отвращения, но и от ужаса. Как учёный, как биохимик, он понимал всю глубину катастрофы. В таких условиях даже маленькая царапина, заноза, порез могли стать смертным приговором. Инфекция. Заражение крови. Сепсис. Антибиотиков здесь не было и в помине. Асептики и понятия о стерильности, судя по состоянию одежды мастера Годфри, да и его самого, не существовало в принципе.

Здесь, в этом мире, царил не писанный, но оттого не менее суровый закон микробов и бактерий, против которых у местного населения не было никакой защиты, кроме грубой, неспецифической силы собственного иммунитета, который, в свою очередь, постоянно и методично подтачивался голодом, холодом, тяжелым трудом и такими же «целителями», как Годфри.

— Эй, соня! Опять уснул? — заорал Годфри из своей каморки. — Шевелись там! А когда закончишь, золу из камина выгреби и новых дров принеси со двора!

Слово «зола» прозвучало в голове как выстрел стартового пистолета. Алексей замер с тряпкой в руке.

Зола. В очаге полно древесной золы. Это карбонат калия. Поташ. На кухне, он помнил памятью Алекса, стоит горшок с топлёным свиным жиром — вонючим, прогорклым, но жиром. Жир. Зола. Вода.

В голове сама собой всплыла формула.

Триглицериды плюс щелочь при нагревании равно мыло и глицерин.

Реакция омыления.

Это же элементарно. Это химия седьмого класса средней школы. Но здесь, в этой вони, среди грязных тел, вшей и крови, это знание было дороже философского камня.

Мыло. Настоящее, моющее, дезинфицирующее мыло. Не песок, не глина, не просто вода. ПАВ. Поверхностно-активное вещество. Оно разрушает липидную оболочку бактерий и вирусов. Оно смывает грязь.

Алексей посмотрел на свои грязные руки. На тряпку. На пятна крови. У него появился план. План, который требовалось реализовывать со всей осторожностью, на которую он только был способен. Чтобы Годфри ни о чём не догадался. А то не избежать ему сперва обещанной клизмы, потом, кровопускания, а там и до мусорной кучи рукой подать.

Но вечером Или ночью, когда старый пьяница напьется своего дешевого пойла и захрапит

Он приступит к делу. Это будет его первый шаг. Первый маленький островок порядка и чистоты в этом океане хаоса. Он просто вымоет руки. По-настоящему.

Это казалось смешной, ничтожной целью для человека из двадцать первого века. Но здесь и сейчас это была граница между жизнью и смертью. Между человеком разумным и грязным животным, которым его считал мастер.

— Уже почти закончил, мастер! — крикнул он. Голос окреп. В нем появилась сталь. — Потом зола и дрова. Будет исполнено, мастер!

Он намочил тряпку в ведро и начал тереть пол. Движения стали четкими, экономными, почти механическими. Страх ушел, загнанный в дальний угол сознания волей учёного. На его место пришел холодный расчет.

"Я выживу, — думал он, оттирая бурое пятно. — Потому что я знаю то, чего не знаете вы. Вы молитесь богам, чтобы рана не загноилась. А я знаю, почему она гноится. И я знаю, как это убить. И убью! Дайте только срок. И если Годфри не убьёт меня раньше."

Закончив с полом Алексей нашёл в своей каморке глиняный горшок со сколотым ободком и сгрёб в него золу и уголья из очага. Разумеется, весь измазавшись в этой самой золе.

"Золушок, блин," — подумал он, толкая скрипучую дверь, ведущую на задний двор. — "Где мой фей-крёстный?"

Припрятав горшок неподалёку от той самой мусорной кучи, которая мнилась венцом карьеры Алексу, он огляделся. Обстановка не слишком-то радовала. Хотя, с другой стороны, она, явно, обнадеживала. Вокруг был не город. Он очутился или в какой-то большой деревне, или в селе. Во всяком случае, это точно была сельская местность. Потому что у окружающих домов заборы охватывали приличные куски земли вокруг, очевидно, ограничивая доступ к огородам. У Годфри огорода не было. Да и участок земли был не так чтобы очень уж большим. Но несколько строений хозяйственного назначения и будочка для размышлений в наличии были. Алексей обнаружил дровяник, набрал полную охапку дров и понёс их в лавку.

"Дровпром. Мы несём тепло и уют в каждый дом" — подумал он и сам удивился тому, насколько спокойно он отнёсся к факту своей смерти.

"Интересно, это у меня шок и ночью будет истерика, или это просто философское отношение к данному вопросу"? — размышлял он, раздувая огонь в очаге. — "Не хотелось бы истерику. Времени на неё нет."

Глава 2

Тьма за стенами лавки сгустилась, став почти осязаемой. Сквозь закопчённое стекло одинокого окошка не просачивался ни лунный свет, ни отблески факелов проходивших дозоров с улицы. Лишь изредка доносился отдаленный лай пса, нарушавший звенящую тишину. Мрак в лавке был такой непроглядный, словно его можно было потрогать. Алексей сидел, скорчившись, на своем жалком тюфяке, затаив дыхание и вслушиваясь. Он не сводил взгляда с тёмного прямоугольника занавески, за которой раздавался мерный, тяжёлый храп Годфри. Сегодня у мастера был удачный день, и на сон грядущий он приговорил бутылку вина. Так что была надежда, что целитель проспит до утра не просыпаясь. Храп был для Алексея сигнализацией и знаком, что можно начинать действовать.

Алексей помнил, что кустарный способ изготовления мыла из жира, тем более, такого качества, которое было ему доступно, сопровождается весьма сильным запахом палёного сала. Так что, о том, чтобы проводить варку в доме не могло быть и речи. Годфри, даже пьяный в дым, учует запах и придёт разбираться. Следовало выбраться из дома и найти укромное место.

Засов задней двери, заранее смазанный тем же самым прогорклым салом, тихонько скрипнул, выпуская Алексея на задний двор, под звёздное небо. В лавке на ночь остались только они с Годфри. Второй ученик, мальчишка Генрих, уходил спать в дом родителей и приходил только утром.

Ещё с вечера, когда он выносил золу из очага и затаскивал охапки свежих дров, он присматривал себе уютный закуток около мусорной кучи. Если, вдруг, у соседей проснётся бдительность, он всегда может сослаться на то, что мастер Годфри приказал ему избавиться от мусора. Почему ночью? Распоряжения мастера не обсуждаются. А мастер не докладывает ему о причинах. Например, чтобы не беспокоить уважаемых соседей смрадным дымом. Или, потому что днём и так работы много. А ночью он, Алекс, нагло спит и ничего полезного не делает. Или...

Времени у Алексея было мало. Поэтому он решил использовать так называемый "горячий" метод. В отличие от "холодного", который требовал настаивания золы в течение нескольких дней, "горячий" метод позволял получить щёлок за пару часов. Правда, он был гораздо опаснее для мыловара, у которого не было ни защитных перчаток, ни лицевого щитка.

Алексей выкопал ямку в земле и в ней развёл небольшой костёр. При дрожащем свете пламени он стал готовить густую кашу, смешивая золу с небольшим количеством воды в глиняной миске. Костёр разгорелся и Алексей прокалил получившуюся кашу на огне, получив "спек" - концентрированную щелочную массу.

Затем, осторожно переложив спек у горшок и залив водой, Алексей начал варить получившийся зольный отвар. Его следовало кипятить несколько часов, тщательно следя, чтобы жидкость не убегала и не выкипала. В этом ему помогала та миска, в которой он готовил спек.

Когда этап кипячения завершился, Алексей профильтровал получившийся щёлок через кусок плотной тряпки в другой горшок, который снова поставил на огонь. Теперь подготовительный этап завершился и можно было приступить к процессу варки мыла. Алексей растапливал в миске жир и выливал его в щёлок, тщательно помешивая варево палкой. Вариво пенилось и пыталось вырваться наружу, но Алексей каждый раз умирал его.

Наконец, у него получился "мыльный клей", густая масса, которая нехотя затягивала прочерченную палкой борозду. Процесс был почти завершён. Алексей бросил в варево горсть крупной соли. Этап "отсолки". Соль вытягивает лишнюю воду из мыла и остаётся только собирать всплывающие хлопья мыла и утрамбовывать их в форму. Формой снова послужила та самая щербатая миска, которая уже поработала и ёмкостью для приготовления каши из золы, и крышкой для горшка. Мыла набралось много. Почти половина миски. Правда, и жира из горшка убыло прилично. Ну да Годфри в этот горшок и не заглядывал уже давным-давно. А

обувь ему Алекс натирал жиром именно из него. Так что, Алексей полагал, что ему вполне удастся отбрезаться о причинах исчезновения старого сала.

Алексей тщательно отмыл и оттер песком, насколько это было возможно в затухающем свете костра всю использовавшуюся в его опыте посуду. Потом, затушив костёр "по-пионерски", Алексей замёл головешки, угли и золу в мусорную кучу и направился досыпать. Восток уже начинал светлеть и следовало ухватить хоть немного сна. Недосып вкупе с голодом - это не то, что нужно молодому организму. Но выбирать особо не приходилось. Или недосып, или жизнь в грязи.

Забравшись на свой тюфяк и укрывшись не дававшим тепла одеялом, Алексей, проваливаясь в сон, размышлял о том, что только что совершил. О простом и элегантном принципе омыления. О том, как едкая щёлочь, сама по себе разъедающая живую плоть, вступая в реакцию с жиром, рождала нечто совершенно новое, с иными свойствами — вещество, очищающее грязь, уничтожающее жир и запах. В этом была своя, особая алхимия. Своя, странная поэзия. В этом проклятом мире, полном боли, жестокости и тотального невежества, он сумел создать крупицу чистого, прикладного знания. Крупицу порядка, добытую из самого сердца хаоса.

С этими патетическими мыслями он и провалился в глубокий, без сновидений, сон измученного честным трудом человека.

Утро пришло грубо, внезапно и без всякого предупреждения, зато с резким пинком в ребро.

— Вставай, тварь сонная! Уже давно светает, солнце встаёт, а ты, дармоед, разлёгся как граф на любовнице!

Алексей вздрогнул всем телом и резко, по инерции, сел, сердце бешено заколотившись. Он проспал. Глубокий, тяжёлый сон, вызванный нервным истощением, полностью сковал его. На секунду его охватил панический, слепой страх, наследие Алекса, но тут же, словно щит, его сменила холодная, собранная готовность. Он нащупал миску, спрятанную под тюфяком. Пока всё было спокойно.

— Виноват, мастер. Уже бегу. Сейчас, сию минуту, всё будет готово — пробормотал он, опустив глаза, стараясь говорить, как можно более покорно и подобострастно.

Годфри, красноглазый, не выспавшийся, дышащий перегаром и, как всегда, раздражённый, что-то невнятно бурчал себе под нос, копошась у прилавка и расставляя склянки. Сегодня ему, похоже, было не до изощрённых придинок к своему подмастерью, его собственные мысли были заняты чем-то другим. Парень подозревал, что тот мучился головной болью от похмелья. Алексей молча, не поднимая головы, принялся за утренние обязанности — подмёл пол жалким веником-голяком, вынес вонючее ведро с сором во двор, поставил воду греться на очаг. Руки его после вчерашнего эксперимента горели и чесались, но теперь это жжение было почти приятным, согревающим. Напоминанием о его маленькой, тайной победе.

После скудного завтрака, состоявшего из черствого хлеба и жидкой, почти пустой похлёбки, Годфри неожиданно и благосклонно объявил, что уходит по срочным делам — к местному священнику, у которого, по его словам, «скрутило почки и пучит живот».

— Понял, балбес, у какого великого человека ты учишься? — спросил он Алексея. — Сам Святой Отец Бенедикт прибегает к моим услугам!

— Мастер, Вы величайший целитель! — подобострастно поклонился парень, искренне надеясь, что занятый своим величием цирюльник не распознает сарказма в его голосе и не увидит ехидной усмешки на его лице.

— Смотри у меня тут без дела не околачивайся, паразит! — рявкнул Годфри на прощание, уже стоя в дверях. — Травы все, что вчера заготовили, перебери, просуши, корни мандрагоры истолки в мелкий порошок! И пол ещё раз вымой, чтоб блестел, как зеркало, слышишь! Чтобы я мог в нём своё отражение увидеть!

Тяжёлая дверь с грохотом захлопнулась, и деревянная защёлка с громким стуком упала на своё место. Парень облегчённо выдохнул, пронесло. Алексей остался в лавке совершенно один. Тишина, воцарившаяся после ухода Годфри, была оглушительной. Его сердце заколотилось с новой, неистовой силой. Это был его шанс. Не просто создать мыло, но и испытать его, посмотреть, как оно работает, проверить свою теорию на практике.

Он подождал несколько томительных, тянущихся минут, прислушиваясь к шагам за дверью, не вернётся ли хозяин за забытой вещью, и затем, не в силах более сдерживаться, ринулся к своему укрытию. Руки снова задрожали, но теперь уже не от страха, а от щемящего, нетерпеливого предвкушения, от жажды увидеть результат своего ночного труда.

Он осторожно, как хрустальную вазу, извлёк из-под тюфяка плоску с мылом. Мыло застыло, приняло твёрдую, монолитную форму. Оно было серовато-землистого цвета и пахло отнюдь не розами. Но, оно было твёрдым и жирноватым на ощупь.

Вытряхнув его из миски, Алексей ножом настругал мыльных стружек в пустое ведро и залил их горячей водой. Опустил в воду руки и начал их тереть друг о друга. И о чудо. Появилась пена. Слабая, жидковатая, не такая пышная, как у современных моющих средств, но это была самая настоящая пена! На его коже образовалась молочная, белая эмульсия. Он тер, и грязь, казалось, намертво въевшаяся в кожу за всё прожитое Алексом время, начала сперва неохотно, а затем всё более активно отставать, смываться. Не просто размазываться водой, а именно сходить. Он смотрел, как вода в миске быстро мутнеет, становясь серой, и по его лицу, помимо его воли, расплзалась первая за всё это время настоящая, не вызванная истерикой или безумием, а искренняя, широкая улыбка. Он чуть не рассмеялся вслух от переполнявшей его радости.

Мыло работало. Оно было уродливым, примитивным, дурно пахнущим, но оно мылилось. Оно очищало. Оно было настоящим.

Воодушевлённый первым успехом, он решился на большее. Он вымыл не только руки, но и лицо, и шею, растирая мыльную пену по коже, с наслаждением чувствуя, как исчезает липкий слой пота и грязи. Ощущение было почти невероятным, забытым. Кожа скрипела от чистоты, дышала. Пахла она, конечно, не французским парфюмом, но это был честный, настоящий запах чистоты. Его чистоты.

На радостях, сменив воду, Алексей выстирал своё одеяло и повесил его на заднем дворе сушиться на солнышке. После чего взялся за выполнения заданий Годфри. Со старика станется снова начать драться, если его поручения не будут выполнены наилучшим образом. Правда, выполнение поручений не гарантировало отсутствия тумачков и колотушек.

Воодушевлённый успехом, Алексей с новой силой принялся за мытьё пола. Он натёр целую горсть мыла в ведро с почти кипятком, с наслаждением наблюдая, как серая стружка растворяется, наполняя воду густым запахом дыма и щёлока. Пена поднималась скудными пузырями, но для него это было зрелищем прекраснее любого фонтана.

Он вёл тяжёлую щётку по полу с почти яростным упорством, вкладывая в каждое движение всю накопившуюся злость и отчаяние. Въевшиеся за годы пятна — бурые следы крови, тёмные разводы от травяных настоев, липкий слой грязи — медленно отступали, открывая светлую, почти золотистую древесину. Он скрёб щели между досками обломком ножа, выгоняя оттуда вековую грязь, словно выскабливал саму память об унижениях. Мыльная вода проникала глубоко в дерево, и ему казалось, что он очищает не просто пол, а часть этого проклятого мира, завоёвывая для себя крохотный оплот чистоты и порядка.

Он отодвинул бочку с уксусом, передвинул тяжёлый сундук с инструментами, вымыл каждый угол, где годами копилась пыль и паутина. Мышцы горели от непривычного напряжения, спина ныла, но он не останавливался. Когда он наконец выпрямился, перед ним лежал совершенно иной пол — сухой, светлый, по-новому скрипящий под босыми ногами. Вода в

ведре была чёрной, как сажа, но это лишь подчёркивало масштаб его победы. Лавка не просто стала чище — она изменилась, и это изменение было целиком его делом.

В дверь постучали. Алексей вздрогнул и метнулся открывать. За дверью стоял Генрих. Как всегда, понурый и испуганный.

— Ой, Алекс, — воскликнул он увидев босые ноги и поднял голову. — А где мастер Годфри?

— Мастер ушёл избавлять Святого Отца Бенедикта от почек и живота, — отозвался Алексей не подумав. — Ну, то есть, от кручения почек и пучения живота, конечно же.

Генрих, не сдержавшись, хихикнул.

— А ты что делаешь?

— Да, вот, буду сейчас травы перебирать, — ответил Алексей. — Мастер мне заданий надавал, просто так сидеть некогда.

— Можно я посмотрю?

— Смотри, конечно. Как-никак у одного мастера учимся. Одни и те же знания получаем.

Алексей снял пучки трав с верёвок, на которых они висели и разложил из на отмытом прилавке. Генрих забрался коленями на скамейку, чтобы видеть, что происходит там наверху. Алексей прикинул, что мальчишка сильно младше его нынешнего тела. Интересно, а сколько ему самому?

Отложив вопрос со своим возрастом "на потом" он приступил к сортировке гербария Годфри. Судя по всему, каждый из пучков травы в понимании Годфри обладал чудодейственной магической силой. А по мнению Алексея большая часть этого гербария годилась только в мусорное ведро. Алексей начал перебирать их с профессиональным любопытством.

"Корень мандрагоры", — мысленно идентифицировал он. — "Из за того, что имеет вид человеческой фигуры, его считали, практически, панацеей. На деле, крайне токсична и вызывает галлюцинации".

"Медуница", — определил он следующую траву, — "За листья в форме лёгких её считали лекарством при туберкулёзе и астме. Лабораторные испытания не подтвердили результативность".

"Печёночница. Те же яйца, только в профиль. В смысле, в печень. Не лечит она желтуху и другие болезни печени. Зато, содержит яд."

"Очанка. Лечение глазных заболеваний, включая глаукому и катаракту. На деле обладает слабым противовоспалительным действием. Серьёзные инфекции не потянет. Но, уже лучше".

"Чертополох. За свои колючки считался средством против укусов змей. На деле не обладает специфическим антитоксическим действием против яда. И от чумы он не защищает. И от сглаза. Зато, улучшает аппетит и работает как желчегонное"

Его пальцы, ещё красные от щёлока, аккуратно разбирали перепутанные стебли. Он отделял почерневшие листья от качественных, выбрасывал попавшийся мусор и насекомых. Работа была монотонной, но она позволяла думать. Он вспоминал лекции по фармакогнозии, науке, изучающей лекарственное сырьё растительного и животного происхождения и продукты переработки этого сырья, химический состав этих растений, их реальные, а не мифические свойства.

«Полынь тысячелистник зверобой крапива, — мысленно идентифицировал он растения, чьи названия и свойства знал ещё со студенческой скамьи. — А это что? Вроде бы пижма, но с примесью чего-то ядовитого».

"О! А вот и вербера! Кто бы сомневался. Заживляет любую рану в мгновение ока. Хоть простой порез, хоть мечом рубанули от плеча до пояса. Нет, кровоостанавливающие свойства у неё есть. Но далеко не такие, как ей приписывают"

«Зверобой — лёгкий антидепрессант, но Годфри, наверное, использует его для изгнания бесов. Крапива — витамины, кровоостанавливающее, а он наверняка лечит ею от сглаза».

Эта мысленная игра — сопоставление реальной науки с местным мракобесием — одновременно забавляла и злила его. Он держал в руках настоящую силу природы, которую эти люди использовали вслепую, как дикари.

Вдруг его взгляд упал на небольшую связку с характерными листьями. «Ромашка аптечная, — с прохладным удивлением констатировал он. — Противовоспалительное, спазмолитическое. Наконец-то что-то действительно полезное».

Он отложил её в сторону, решив по возможности сохранить для чего-то более стоящего, чем очередной «отвар от порчи». Перебирая траву за травой, он чувствовал, как в голове рождаются новые планы. Если мыло стало его первым оружием, то эти растения они могли стать его первым арсеналом. Нужно только время, чтобы приготовить из них что-то действительно стоящее — настоящие лекарства, а не шарлатанские зелья. Найти бы ещё спирт!.. Но умеют ли тут его изготавливать? Наверное, ещё нет, иначе Годфри не надирался бы этим кислым вином.

Уксус! Уксусная кислота создает среду, непригодную для жизни многих бактерий. Это менее эффективно, чем спирт, но в разы лучше, чем ничего. Уксус в лавке точно был! Если сделать отвар антисептических трав и добавить в уксус, может получиться по местным меркам чуть ли не панацея!

Его взгляд упал на ту самую бочку с уксусом, которую он двигал в процессе мытья пола. Резкий, кислый запах, раньше вызывавший лишь гримасу, теперь пах новой возможностью.

«Крепость явно за десять процентов, — профессионально оценил он, втянув щекочущий ноздри запах. — Слишком едкий, нужно разбавить».

Он нашёл пустую, склянку из-под какого-то снадобья и тщательно вымыл её с мылом. Ж сопровождаемый удивлённым взглядом Генриха. Действовал он быстро, чётко, почти автоматически: сначала налил чистой кипячёной воды, примерно две трети объёма. Потом, сверху, — густой, мутный уксус, стараясь не вдыхать едкие пары. Жидкости смешались, цвет стал светлее. Он не мог измерить точную концентрацию, но на глаз получилось примерно пять-шесть процентов — достаточно для антисептического действия, но не вызывающее сильных ожогов.

Затем настал черёд трав. Его пальцы, уже успевшие изучить каждую былинку на полках, безошибочно нашли нужные связки.

«Ты, главный, — мысленно обратился он к пучку с мелкими резными листьями, — Тимьян. Мощный природный антисептик, благодаря тимолу».

Он отщипнул несколько веточек, растёр их между ладонями, чтобы высвободить эфирные масла, и бросил в склянку. Аромат стал сложнее, в нём появились пряные, чуть горьковатые ноты.

«А ты для верности, — он взял несколько соцветий ромашки, которые отложил ранее. — Противовоспалительное, успокаивающее. Сработаем коллективно».

Лепестки медленно потонули в мутной жидкости. Он добавил ещё щепотку измельчённой коры дуба для вяжущего эффекта — чтобы «закрывать» раны.

Последним штрихом он плотно заткнул горлышко склянки деревянной пробкой и несколько раз энергично встряхнул её, наблюдая, как внутри кружатся травинки, отдавая уксусу свои силы.

Он поставил склянку в дальний угол одной из полок в его комнатухе-кладовке, и это зрелище наполнило его странным спокойствием. Теперь его тайный арсенал состоял из двух единиц: одно средство против грязи, другое — против невидимых глазу демонов, именуемых в просторечье бактериями. Он был похож на алхимика, проводящего запретные опыты, и это сравнение ему нравилось. В мире, где лечили кровопусканием, его уксусный раствор с травами был оружием из будущего.

Генрих ушёл домой вечером, нагруженный новыми впечатлениями и удивлённый чистым состоянием пола и прилавка.

От Святого Отца Бенедикта Годфри вернулся поздно и пьяный. На сей раз его опьянение было иного свойства — не буйное и самодовольное, а мрачное и сосредоточенное. Он не швырял плащ, а аккуратно, с какой-то неестественной для него точностью движений, повесил его на крюк. Его глаза, обычно мутные от хмеля, сейчас были остекленевшими, будто он увидел нечто, отчего трезвеют даже на дне кружки.

Он прошёл в лавку, не глядя на Алексея, и опустился на скамью с таким видом, будто на его плечи взгромоздили мешок с камнями.

— Подавай ужин, — бросил он глухо, уставившись в одну точку на столе. — И не мельтеши перед глазами.

В лавке повисла тягостная тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием цирюльника. Было ясно: визит к священнику принёс не облегчение, а какую-то новую заботу, и эта забота сидела в Годфри занозой, заставляя его пить иначе — не для веселья, а для забвения. Похоже было, что не помогли Святому Отцу лекарства и методы лечения, предлагаемые целителем Годфри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.